

Степан Злобин

КАК Я ДЕЛАЛ КНИГУ «САЛАВАТ ЮЛАЕВ» (1935)

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1935. № 4.
С. 18–21.*

Летом 1924 г. я приехал в столицу Башкирии — Уфу. Там мне предстояло жить и работать несколько лет. Желая изучить местный край, я собрал основную краеведческую литературу и с самого же начала столкнулся с таким исключительно-интересным явлением в прошлом Башкирии, как Салават Юлаев. Естественно, что такая героическая личность, как Салават, вызвала у меня желание написать поэму, начальные строфы которой и были набросаны почти тотчас же после первого ознакомления с историческим материалом по литературным источникам. Однако материал требовал более глубокого изучения. Пришлось обратиться к местному историческому архиву, в котором из груды дел мной было извлечено несколько интереснейших томов (периода 1725–1800 гг.), копировальных книг провинциальных канцелярий Исецкой провинции (центр которой находился в те времена в Уфе). Материалы пришлось переписывать от руки. Обычно, прочитывая всю книгу без пропусков, я выписывал только наиболее характерные места, касающиеся быта, экономических и политических отношений и т. д.

Как известно, Башкирия XVIII столетия (приблизительно с 1725 г. до подавления пугачевского движения, т. е. до конца 1770-х годов) представляла очаг восстаний. Одной из характерных «бытовых» сторон, освещаемых архивом, были стратегия и тактика повстанцев и усмирителей. Изучая материалы отдельных восстаний по ежедневным отчетам и донесениям в Петербург, я вычерчивал на карте Башкирии переходы войск, составлял хроники. Тогда у меня возникла еще другая мысль — заняться работой над историей Башкирии. Свои материалы, помимо материалов, подсобных для поэмы, я рассматривал как базу для серьезного научного исторического труда.

Увлечшись работой, я почти вовсе оставил поэму. Она не пошла дальше пролога.

Я настолько ушел в изучение интересных материалов, что стал сбиваться в частных письмах, личных записках, как и в деловой работе, на канцелярскую скоропись XVIII в.: то у меня проскальзывало «титло», то буква «у» вырисовывалась восьмеркой, то неожиданно выскакивало давно позабытое «ять».

Изучая историю восстаний, местные реформы, «национальную политику» императорских величеств XVII, XVIII и XIX столетий, мемуары местных сатрапов и записи всевозможных ученых этнографов, я узнал, что большая часть интересной краеведческой литературы написана краеведами-татарами и издана в Казани на татарском языке. Эта литература была мне недоступна. С целью изучить башкирский язык я взялся обучать русскому языку одного из башкир. Уроки мы давали друг другу в обмен на уроки: один день — он мне — урок башкирского, на следующий день — я ему — урок русского языка. Дело пошло неплохо, тем более что мой преподаватель совсем запретил мне пользоваться учебниками для русских и русской транскрипцией слов. Но наши уроки продолжались недолго: этот товарищ был переброшен на работу в отдаленный район. Я научился только читать и писать арабским шрифтом (латинизированного алфавита еще не было), но запас слов у меня был крайне ограниченный.

Язык я продолжал изучать по самоучителю, одновременно знакомясь с пословицами, поговорками, собранными Башкирским краеведческим обществом, и отчасти с башкирскими стихами и песнями, которые начал понемногу разбирать в подлинниках.

Многие из знакомых краеведов-башкир говорили мне, что наиболее полные материалы никем не записаны и живут в устной передаче певцов в глухих районах страны. В связи с этим у меня возникло желание поехать на работу в один из этих районов, что и удалось летом 1925 г. В качестве участника экономической экспедиции я отправился в горно-лесной район БАССР.

По условиям работы (бюджетное обследование крестьянского хозяйства) я переезжал из селения в селение, с кочевки на кочевку, по району, населенному исключительно башкирами, сохранившему множество легенд, преданий, повестей и обычаев старины. В этом районе, нередко в семье из 8–10 человек, никто не говорил по-русски; из жителей крупных сел не знали русского языка ни одна женщина, ни один старик, ни один ребенок, а из мужчин говорили только лобызавшие в армии или на отхожей работе на заводах. В живом общении язык усваивался гораздо успешнее.

Здесь я ознакомился со множеством преданий, со множеством старинных вещей: утварью, сбруей, по преданию принадлежавшей какому-нибудь знаменитому «батырю», женскими костюмами и даже с отдельными постройками, относящимися, по утверждению самых древних стариков, к тому времени, когда их отцы и деды были еще детьми, т. е. примерно к интересовавшему меня периоду. Разумеется, народная хронология имеет всегда крупные погрешности в сроках. В одной из легенд тех мест рассказывается, что Наполеон воевал с сыном Ивана Грозного. Однако по этим преданиям, внося исторические коррективы, все-таки можно в какой-то степени восстанавливать исторические факты, особенно, когда эти предания дают некоторые черты экономических отношений.

Если сегодня поехать в те же районы Башкирии, мы уже увидим другую страну с новыми социалистическими отношениями. Тогда социалистическая перестройка еще почти не коснулась страны: были живы кочевки, старые отношения между хозяевами и работниками в сельском хозяйстве, велико еще было влияние мулл и баев. Сегодня собрать бытового материал к моей книге было бы много труднее.

В результате экспедиции мной были собраны две толстые тетради заметок, сняты копии с ряда родовых документов, хроник, жалованных грамот; сделаны зарисовки отдельных характерных горных ландшафтов, записано множество поговорок и пословиц. Однако к работе над книгой «Салават Юлаев» я не был готов. Собраный материал требовалось еще пополнить.

К этому периоду относится ряд моих работ краеведческого порядка. Очерки позже были напечатаны в журнале «Красная новь», ряд работ использован в башкирской краеведческой хрестоматии «Наш край». Тогда же я изучал башкирскую поэзию, делал кое-какие переводы и фальсифицировал башкирские народные песни, тем самым втягиваясь в «дух» национальной поэзии.

В конце 1925 и в 1926 г. работа над «Салаватом Юлаевым» совсем отходит в сторону. В этот период я неоднократно принимался снова за историю края, в частности занимался экономической историей, работая над очерком «Башкирская АССР» для «БСЭ» и специально над очерком истории промышленности по заданию Башкирского совнархоза. Эти работы дополнили мои материалы о взаимоотношениях между башкирами-вотчинниками и уральскими заводчиками.

В 1927 г. мысль о книге «Салават Юлаев» стала более четкой. Я уже не думал о поэме «Салават», перестал думать и о научном ис-

торическом труде. К этому времени я уже твердо задумал написать исторический роман о Башкирии из периода, предшествовавшего Пугачевщине, с главным героем ханом Кара-Сакалом — вождем восстания в 40-х годах XVIII столетия. Этот герой был интересен тем, что в краеведческой литературе он был темным пятном. Ряд краеведов-историков, написав о нем несколько нелепостей, не добрался до истины. Я раскопал в местном архиве простые и вполне убедительные сведения, относящиеся непосредственно к дням восстания и заключающиеся в двухстороннем материале: донесениях оренбургского губернатора ко двору и петербургских ответах на донесения.

Я сделал кое-какие стилизованные наброски о Кара-Сакале, позднее вошедшие отчасти в состав пролога к «Салавату». Однако дальше отдельных сцен и стилизованных песен не пошло. Весной 1927 г. спешная работа по башкирской краеведческой хрестоматии заставила меня снова отложить работу над повестью.

Только весной 1928 г. вопрос об историческом романе встал как неотложный. В это время я жил уже в Москве и, считая работу над изучением Башкирии законченной, решил подвести итоги своему пребыванию в этом крае. Приходилось выбирать. Было совершенно очевидно, что две исторические книги о Башкирии я не напишу — это вообще не нужно и самому было бы скучно. Следовало окончательно выбрать героя — Салавата или Кара-Сакала. Салават был более заманчив как вождь и поэт в одном лице. Кара-Сакал имел то преимущество, что я первый в литературе мог дать о нем исторически правдивый материал. Но в то время, как Кара-Сакал был националистом, поднявшим сепаратно башкирское восстание под знаменем ислама, Салават был участником и одним из вождей пугачевского движения и вел более упорную и интересную борьбу с правительством. Хотелось остановиться на Салавате, но жаль было материалов о Салтан-Гирее (Кара-Сакал).

Тогда я решил вопрос следующим образом. Я составил план книги о Салавате, включив в пролог материал о Салтан-Гирее. В марте 1928 г. в течение 10 дней был написан весь пролог к «Салавату Юлаеву». Полный план книги, в общих чертах почти выдержанный в процессе работы, был представлен в детско-юношеский сектор Госиздата, с которым я заключил договор на представление осенью рукописи.

В апреле 1928 г. были написаны 2 первые главы о Салавате: охота за орлами, поединок с медведем и эпизод с дедовским луком. Дальше определенно ощущалась недостаточная подготовленность

к работе. Я пытался набрасывать отдельные сцены, портреты, отрывки, но все это было сумбурно и не строилось так, как следовало бы по плану.

Как раз в это время я получил предложение снова выехать на работу в Башкирию в качестве экономиста лесозащитной экспедиции по обследованию лесных массивов БАССР. Ознакомившись с картой намеченных к обследованию лесничеств, я с особенным удовлетворением отметил, что район обследования будет мне чрезвычайно полезен для книги о Салавате. И в мае я снова выехал в Башкирию.

Маршруты моей работы располагались так удачно, что захватывали целиком места действия в главах I, IV, VI, VIII, X, XII, XVI, XIX, XX, XXII. Места действия прочих глав были известны мне раньше по прежней работе. Теперь я попадал на родину Салавата, в места ожесточенных сражений и поимки его правительственными войсками.

В этих местах живее предания о нем, больше памятливы его песни (может быть, просто большее количество песен приписывают Салавату как любимому народному герою). Здесь, кроме того, я столкнулся с природой, которая воспитывала Салавата; пусть леса и реки за 150 лет изменили свой облик, но тот же характер гор и та же бурная река Юрезань, так же парят орлы и коршуны, наводя панику на птичье население деревень, то же небо над горами и тот же звон пчел в цветущем липовом лесу.

В этой экспедиции я пополнил материал фольклора, ближе узнал природу, взрастившую Салавата, ознакомился с географией и топографией края. На моей карте экономиста экспедиции условными значками были попутно отмечены те пункты, которые были интересны с точки зрения книги о Салавате, и каждый свободный час я посвящал поездкам в сторону от маршрута экспедиции.

Книга писалась в пути, так как в течение нескольких месяцев мой дом был в седле или в «карандасе», как в Башкирии называют тарантас.

Порядок работы был самый сумбурный. Я не писал главы подряд, а отдельные сцены, которые больше всего подходили к настроению в данный момент.

Так, например, в одной из глухих деревень на сеновале была написана сцена встречи Хлопуши и Салавата с Пугачевым (глава V), на другой остановке — сцена встречи Салавата с отцом (глава XIV), сцена пенья (глава IX) и др.

Здесь же, в пути возник ряд песен, приведенных в книге, из которых, надо отметить, большинство является подражательной имитацией и незначительное меньшинство — переводами.

Целиком в седле, на 12-километровом пути вдоль берега р. Юре-зани, возникла песня пугачевцев (из главы IX), так же в седле сложилась и песенка на башкирском языке из главы II и еще ряд имитаций, не вошедших в окончательный вариант книги.

Когда едешь один длинным путем, то хочется петь, и я до того в этот период вжился в психологию местного населения, что однажды поймал себя на том, как совершенно искренне пел лошади, что скоро мы остановимся на ночлег, и она будет есть много холодной, сочной травы. Как это складывалось «поэтически», я, конечно, не запомнил, но это было не искусственно для тогдашних моих настроений. Так же машинально складывались и прочие песни — они были как бы поэтическим оформлением отдельных сцен и положений обдумываемой книги.

Какое значение имело настроение в выборе отрывков и очередности их написания, характеризует, например, такой факт: я целый месяц или больше не получал писем и тревожился о ребенке. Под влиянием создавшихся настроений была написана песнь о сыне, и вся сцена с сыном в главе XIX и одновременно начало главы XVI, за исключением сцены между Аминой и Рысабаевым. Ряд других сцен возникал также в каких-то ассоциациях с личными настроениями и переживаниями; в частности, отмечу ночную радугу — это явление я видел сам в августе 1928 г. в Уфе, и оно так поразило меня, что я занес его в книгу.

Книга о Салавате хотя и базируется на большом историческом материале, является в значительной мере вымыслом, «додумана» автором в той части ее, где не хватало исторического или легендарного материала.

Следует отметить, что историческая неточность была допущена мною с самого начала, когда я сделал Юлая участником восстания Кара-Сакала. Из архивных источников мне было известно, что Юлай Азналлин был моложе, чем это требовалось бы для участия его в восстании Кара-Сакала, но я воспользовался ошибкой А. С. Пушкина в «Истории Пугачевского бунта», сказавшего, что Юлай был старый бунтовщик. Если бы Юлай действительно был бунтовщиком раньше, то правительственные чиновники, конечно, не допустили бы, чтобы к началу Пугачевщины он был волостным старшиной. Но мне было интересно воспользоваться этой ошибкой для соединения двух сюжетов (Кара-Сакал и Салават).

Выдумкой является знакомство Салавата с Хлопушей. Для того чтобы Салават, сын богача-старшины, превратился не в вульгарного панисламиста и шовиниста, а в принципиального союзника Пугачева, мне надо было столкнуть его с тогдашней жестокой действительностью холопской России. Для этого из пугачевских сподвижников прекрасно подошел бродяга Хлопуша — Афанасий Соколов. Но с Хлопушей я сталкиваю Салавата исключительно во «внеисторические» моменты жизни Салавата, т. е. до восстания (главы IV и V) и во время болезни (глава XIII), в период, о котором ничего не говорят ни документы, ни историческая литература.

Вообще выдумка в романе «внеисторична». К числу выдумок относится, например, охота на орлов, о которой, конечно, никто ничего не знает, и поединок с медведем. Глава III о стычке с твердышевскими рабочими основана на историческом материале, но ни в какой истории нет ничего об участии в этих стычках Салавата. Единственным оправдывающим материалом для этого могла бы послужить песня, приписываемая Салавату, где говорится, что «14 лет он стал богатырем». Первоначально я думал сделать его «богатырем» и вынужденным беглецом-преступником на романтической почве, но в процессе обработки оставил эту мысль, перевел преступление, толкающее Салавата к скитаниям, на рельсы экономических отношений.

К категории выдумок относится также встреча с отшельником (глава X). Я вставил ее также в «неофициальную» часть жизни Салавата. История отмечает два момента: Салават в Бердском слободе (глава IX) и Салават на родине (глава XI); промежутком между этими моментами я воспользовался для связи основного сюжета с прологом и для использования местной легенды о второй жене Салавата. Большинство сподвижников Салавата — исторические личности: из них Антуган, Алагуват, Акджягет переданы мной с максимальным старанием сохранить их историческую физиономию, чего нельзя, однако, сказать о главном из них — о Кинзе. Кинзя тоже историческая личность, сын муллы и сам бывший мулла, принявший участие в восстании. Не думаю, чтобы его образ мыслей существенно отличался от Алагувата или Антугана, но мне было важно сделать Салавата на фоне Кинзи. Мягкая, слегка комичная, фигура Кинзи как фон для сильного и решительного Салавата сделана в значительной мере под влиянием образов Санчо-Панчо и Ламме-Годзака, т. е. до некоторой степени традиционна.

Историческая правдивость самого Салавата соответствует правдивости описываемых событий. Мог ли я полагаться на «исто-

рию», написанную чиновником канцелярии уфимского губернатора? Я принял от чиновника факты, но дал их в своем освещении. Если чиновник, называя Салавата разбойником, доказывая это тем, что Салават «даже» башкир грабил, «даже» мулл убивал и т. д., то я, принимая эти факты, отмечаю, что он не был шовинистом или панисламистом и, став союзником Пугачева, не считался ни с национальностью, ни с религией, расценивая друзей и врагов по их социальным признакам.

Может быть, Салават не был в той мере принципиальным революционером, как он изображен у меня. Я, например, умалчиваю следующие строки песни, помещенной в виде эпиграфа к главе XVI: «Для чего убил я невинную пташку. Лучше бы застрелил я глупца необрезанного». Правда, эти слова приписывают Салавату, но ведь мы не имеем хронологического порядка Салаватовых песен. Весьма вероятно, что песня была написана задолго до восстания, а может быть и просто приписана ему как любимому герою.

Все романтические истории Салавата основаны на преданиях и его песнях.

Целиком выдумана история с попыткой Кинзи отбить Салавата во время наказания. Кинзя как тип был бы незакончен без этой попытки.

Таково соотношение правды и выдумки в книге о Салавате. Я считаю, что историческая роль и облик Салавата верны, а это главное.

Заканчивалась работа над книгой не в седле и не в тарантасе. Наоборот, в этот период моей жизни я имел исключительно благоприятные для работы условия.

Во время «полевого периода» экспедиции было намечено множество сцен и эпизодов, написаны отдельные диалоги, песни и т. д. По возвращении в г. Уфу для генеральной обработки материалов экспедиции я одновременно заканчивал работу над Салаватом. Из всех старых планов, из планов поэмы, из планов повести о Кара-Сакале, из планов романа «Салават» скомпоновался совсем новый план, изображенный графически в виде композиционной схемы. В моей комнате снова была собрана вся местная литература о Салавате, о башкирских восстаниях, мои заметки и выписки, новые выписки из хроник, сделанные другими лицами по моему поручению. В большом ходу при работе была подробная карта мелкого масштаба, на которой я нанес весь поход Пугачева и особо отметил передвижение башкирских войск. Мои собственные композиционные планы я строил к каждой отдельной главе, уточняя их,

вычерчивая расположения войск во время отдельных сражений, зарисовывая схемы отдельных эпизодов и т. д.

Отдельные «формальные» моменты в работе над книгой — это (местами чрезмерное) насыщение текста башкирскими словами, которые для читателя являются заумными. Эта работа сделана в книге довольно грубо. В процессе работы у меня была другая установка — не употреблять башкирских слов, строить русскую речь так, чтобы фонетически она походила на башкирскую. Этого достигнуть было можно, но нельзя было рассчитывать на фонетическое восприятие массой читателей прозаического повествования. Пришлось обратиться к транскрипции башкирских слов; которые, к сожалению, необходимо снабжать примечаниями. Оправдываю себя тем, что у наших писателей XIX в. была несколько не большая надобность в употреблении французских реплик.

Совершенно умышленно даны примечания к отдельным географическим названиям. Дело в том, что ученые «башкироведы» пытались доказывать, что башкиры — не аборигены Урала, что якобы названия рек Башкирии небашкирские, и для доказательства взяли современные русские названия. Восстанавливая башкирские названия: Жялэм — вместо Зилим, Юр-Узен — вместо Юрезань, Ин-жяр — вместо Инзер и т. д., я хотел, чтобы ученые люди больше изучали историю названий.

Последней стадией работы был подбор эпитафий и, наконец, работа по иллюстрации. Эпитафии подбирались по «стилизованности» их, по «вкусности», по содержанию в них «духа» времени. Должен признаться, что подход к ним был чисто эстетическим. Я собрал их большое количество и затем уже произвел отбор и расставил по местам.

С художниками работа была небольшой. Как положительный факт следует отметить, что хотя художники и сами прекрасно почувствовали эпоху и даже национальный характер книги, однако все же советовались, договаривались и кое-что перерабатывали.

К сожалению, такая согласованная работа автора и художника встречается крайне редко. Я лично настаивал на максимуме динамики в гравюрах т. Гончарова, иллюстрирующих текст, и считаю, что т. Гончаров дал эту динамику в той мере, в какой позволили ему XVIII в. и дерево как материал гравюры.

Впрочем, динамичность второй части Салавата была кое-кем из редакции поставлена мне в упрек как «скомканность». Я этого не нахожу и считаю, что именно так, именно более ускоренно и должны протекать события второй части книги.

Задание, поставленное мной, выполнено процентов на 90. Автор рассчитывал на то, что книга будет такой, какова она получилась. К сожалению, не могу сказать так ни о какой другой из написанных мной книг. Думаю, что в значительной мере это объясняется внешними условиями работы и тем, что сюжет книги, вынашиваясь несколько лет подряд, глубоко и прочно врос в авторское воображение.

Лучшей рецензией на свою книгу считаю сообщение одной преподавательницы школы I и II ступени в гор. Уфе о том, что ребята в большую перемену увлекались игрой в Салавата Юлаева.